

- несовпадение структуры документов (разные аналитические формы).

В РФ популярны собственные специальные компьютерные программы для бизнес-планирования Project Expert фирмы «ПРО-ИНВЕСТ КОНСАЛТИНГ», «Альт-Инвест» фирмы «Альт» (Санкт-Петербург), «Инвестор» фирмы «ИНЭК», «ТЭО-ИНВЕСТ» Института проблем управления РАН и др. Основополагающие ключевые разделы, которые заложены в фундамент российских стандартов формирования бизнес-планов и органично связаны организационным планом (конкретной схемой реализации проекта), с соответствующим просчетом рисков – это финансовый план, план маркетинга, план производства.

Российские коммерческие банки не имеют единой методики разработки бизнес-планов, поэтому почти каждый крупный банк старается разработать собственную методику, в которую закладывает свои требования. Некоторые банки считают необходимым вести расчеты финансового плана в двух денежных единицах, нет единого подхода к расчетам рисков и т.д.

Предыдущая ступень подготовки магистров – бакалавриат происходил в «домашних» университетах, где вопросы бизнес-планирования рассматривались в «домашних» условиях с особенностями местного ведения бизнеса. На данный момент по программе проходят обучение магистранты из Мексики.

Таким образом задачи магистратуры расширяются в плане сравнения реалий бизнес-планирования в РФ и в других регионах мира. Различия в деловой среде (различная законодательная база, подзаконные нормативные документы, различная система стандартизации, обычаи делового оборота), несовпадение структуры документов (разные аналитические формы) – это те особенности подготовки, требующие важной и тщательной проработки в магистерской программе «Международное предпринимательство в сфере торговли и услуг» в направлении бизнес-планирования и международной торговли.

Список литературы

1. Юзвович Л. И., Юдина Е. А. Комплексный подход к исследованию сущности, принципов и методов финансового планирования на предприятиях в экономической системе // Фундаментальные исследования. 2014. №9-7 С.1596-1601.
2. Калачев В. А., Овчаренко О. И. Выбор программного инструментария для автоматизации процессов бизнес-планирования // Известия ЮФУ. Технические науки. 2004. №3 С.144-149.

УДК [316.613.437:004.7]-053.6

Д. Е. Щипанова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПОВ КИБЕРБУЛЛИНГА С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ПОДРОСТКОВ

Щипанова Дина Евгеньевна
dina_evg@mail.ru

ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
Россия, г. Екатеринбург

CORRELATION CYBERBULLYING TYPES WITH PERSONALITY TRAITS OF ADOLESCENCE

Shchipanova Dina
Russian State Vocational Pedagogic University, Russia, Yekaterinburg

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению психологического насилия в виртуальной среде в подростковом возрасте. Проанализированы особенности буллинга и кибербуллинга, психологические характеристики жертвы и агрессора. Рассмотрены особенности взаимосвязи типов кибербуллинга и черт личности подростков.*

Abstract. *The article considers research results of the psychological violence in a virtual environment in adolescence. The features bullying and cyberbullying, psychological characteristics of the victim and the aggressors; the correlation cyberbullying types with personality traits of adolescence are presented here.*

Ключевые слова: *виртуальная среда; буллинг; кибербуллинг; жертва и агрессор; безопасность образовательной среды, подростковый возраст.*

Keywords: *virtual environment; bullying; cyberbullying; the victim and the aggressor; personality traits, adolescence.*

Особенности социализации современного подростка определяются его погруженностью в виртуальную среду. Виртуальная коммуникация имеет существенные отличия от реального взаимодействия, такие как анонимность, отсутствие сопереживания жертве, неконтролируемость и длительное хранение травмирующей информации. В этой связи и виртуальная травля и агрессия – кибербуллинг – имеет существенное негативное влияние на развитие личности. Особенно сильно негативное влияние кибербуллинга проявляется в подростковых группах, поскольку личность подростка переживает период своего становления через реакцию группирования со сверстниками. В этой связи отвержение сверстниками, в том числе и в виртуальной среде, социальных сетях, может являться одной из ведущих детерминант склонности к суицидальному поведению подростка.

Практически каждый третий подросток сталкивался с коммуникационными рисками, однако родителей, которые знают о таком опыте своих детей, почти в 2 раза меньше. Среди коммуникационных рисков лидирует кибербуллинг — каждый десятый подросток указал, что за последний год сталкивался с оскорблениями, унижениями или преследованием в Сети, но в курсе оказывается только один родитель из десяти. Усугубляется ситуация тем, что по результатам исследования группы отечественных ученых, проведенного в 2013 году, согласно оценкам детей, 50 % родителей никак не могут помочь в ситуации риска в Сети. Часть из них выбирает пассивные стратегии, причем чем старше ребенок, тем чаще родители предпочитают не вмешиваться в его онлайн-жизнь, а большинство просто не знает об этом [6].

Общим для всех определений является описание моббинга через негативные, враждебные или агрессивные действия (Olweus, 1993; Smith, 2005). Моббинг является разновидностью насилия и имеет место преимущественно в организованных коллективах. Буллинг – психологический террор, исходящий от коллег, применительно к образовательной среде это буллинг среди учащихся [5, 7, 8]. Буллинг представляет собой физические или социальные негативные действия, производящиеся систематически на протяжении длительного времени одним или несколькими лицами и направленные против того, кто не имеет возможности защитить себя в актуальной ситуации. На основании проведенного теоретического анализа мы определили

структуру буллинга, и выделили в ней следующие компоненты: агрессивность, интолерантность, конформность, социальная изолированность, склонность к девиантному поведению, типы межличностных отношений [7].

Процесс буллинга реализуется с участием агрессора, жертвы и наблюдателей.

Жертвой может стать любой ребенок, но обычно для этого выбирают того, кто слабее или как-то отличается от других. Наиболее часто жертвами школьного насилия становятся дети, имеющие: физические недостатки (носящие очки, со сниженным слухом или с двигательными нарушениями (например, при ДЦП), то есть те, кто не может защитить себя); особенности поведения (замкнутые дети или дети с импульсивным поведением); особенности внешности (рыжие волосы, веснушки, оттопыренные уши, кривые ноги, особая форма головы, вес тела (полнота или худоба) и т.д.); неразвитые социальные навыки; страх перед школой; отсутствие опыта жизни в коллективе («домашние» дети); болезни; низкий интеллект и трудности в обучении [4].

Возможные предпосылки в становлении личности агрессора являлись предметом многих психологических исследований. Так факторами, способствующими развитию агрессивного поведения, могут стать: материнская депривация; неполные семьи; властные и авторитарные семьи; семьи, которые отличаются конфликтными семейными отношениями; семьи с генетической предрасположенностью к насилию [4, 5].

Впервые определение кибербуллинга дал Билл Белсей. Кибербуллинг – электронная форма традиционного буллинга, которая сопровождается особенностями виртуального общения: анонимность, отсутствие сопереживания, неконтролируемость и длительное хранение травмирующей информации. Кибербуллинг – это намеренное, неоднократно-повторяющиеся воздействие на подростка, по средствам электронных технологий, включающие в себя рассылку сообщений оскорбительного и угрожающего характера, распространение в сети неподобной унижающей информации, а так же фото и видео с участием пострадавшего [3]. Французские исследователи отмечают, что в 90% случаев дети подвергаются одновременно и реальному и виртуальному буллингу [1].

Участники также трансформируются. Агрессором может быть просто «тролль» или киберпреследователь; наблюдателями могут становиться десятки, сотни и даже тысячи людей. А жертва может перевоплотиться в виртуального агрессора.

В зарубежных и отечественных исследованиях выделяют восемь основных типов буллинга. *Флейминг* – обмен короткими эмоциональными репликами между двумя и более людьми, разворачивается обычно в публичных местах Сети. *Постоянные агрессивные атаки* – повторяющиеся оскорбительные сообщения в адрес жертвы, «стены ненависти» в социальных сетях. *Клевета* – распространение оскорбительной и неправдивой информации. Текстовые сообщения, фото. *Самозванство*, перевоплощение в определенное лицо – преследователь позиционирует себя как жертву, используя ее пароль доступа к аккаунту в социальных сетях, в блоге, почте, системе мгновенных сообщений, либо создает свой аккаунт с аналогичным именем. *Обман, кража конфиденциальной информации и ее распространение* – получение персональной информации и публикация ее в интернете. *Отчуждение* (остракизм, изоляция). Онлайн-отчуждение возможно в любых типах сред, где используется защита паролем, формируется список нежелательной почты (черный список) или список друзей. *Киберпреследование* – скрытое выслеживание жертвы с целью организации нападения, избиения и т.д. *Хеттислэптинг* (HappySlapping – счастливое хлопанье, радостное избиение) - название происходит от

случаев в английском метро, где подростки избивали прохожих, тогда как другие записывали это на камеру мобильного телефона. Сейчас это название закрепилось за любыми видеороликами с записями реальных сцен насилия. Эти ролики размещают в интернете, где их могут просматривать тысячи людей, без согласия жертвы.

Результаты исследования кибербуллинга в образовательных организациях Азербайджана.

В исследовании принимали участие 120 учеников средних классов школ Азербайджана, 64 мальчика и 56 девочек в возрасте от 13 до 14 лет.

Для сбора данных о распространении типов кибербуллинга среди обучающихся была применена авторская анкета «Типы кибербуллинга», для диагностики черт личности применен Фрайбургский психологический опросник. Для корреляционного анализа применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Взаимосвязи были изучены отдельно в подвыборках мальчиков и девочек.

По результатам корреляционного анализа в подвыборке мальчиков обнаружены высокозначимые положительные корреляционные взаимосвязи ($p \leq 0,000$) между спонтанной и реактивной агрессией и всеми показателями кибербуллинга с позиции агрессора, кроме показателей чувства вины и хранения чужих секретов. То есть, чем выше импульсивность, агрессивное отношение к социальному окружению и стремление к доминированию мальчиков-подростков, тем больше они склонны проявлять агрессивные реакции в интернете, относящиеся ко всем типам кибербуллинга.

В подвыборке девочек обнаружено лишь 4 взаимосвязи. Чем выше импульсивность, тем чаще у девочек возникает желание написать человеку оскорбительные сообщения ($r=0,272$; $p=0,043$), опубликовать персональную информацию о ком-то в интернете ($r=0,274$; $p=0,041$) и стремление снять на видео сцену драки ($r=0,333$; $p=0,012$). Также чем выше агрессивное отношение к социальному окружению и стремление к доминированию девочек-подростков, тем чаще они отмечают, что сталкивались с агрессией в социальных сетях ($r=0,269$; $p=0,045$).

Анализируя взаимосвязи проявлений кибербуллинга с позиции жертвы мы обнаружили следующие результаты. По результатам корреляционного анализа в подвыборке мальчиков выявлены высокозначимые положительные корреляционные взаимосвязи ($p \leq 0,000$) между спонтанной и реактивной агрессией и всеми показателями кибербуллинга с позиции жертвы, кроме показателей, свидетельствующих о случаях грубости и попыток сексуального домогательства. То есть, чем выше импульсивность, агрессивное отношение к социальному окружению и стремление к доминированию мальчиков-подростков, тем больше они чаще подвержены агрессии в интернете, относящейся ко всем типам кибербуллинга.

В подвыборке девочек обнаружено лишь 4 взаимосвязи, причем 2 из них отрицательные. Чем выше импульсивность, тем чаще девочек сталкивались с унижением ($r=0,359$; $p=0,007$) и помещением в черный список в социальных сетях ($r=0,300$; $p=0,025$). Также чем выше агрессивное отношение к социальному окружению и стремление к доминированию девочек-подростков, тем реже они отмечают, что от их имени писали в блогах ($r=-0,275$; $p=0,040$) и тем реже они сталкивались со случаями домогательств ($r=-0,270$; $p=0,044$).

Объяснить результаты корреляционного анализа можно традициями и особенностями воспитания мальчиков и девочек в Азербайджане. Культурная традиция предписывает, что девочки должны быть спокойными, уравновешенными, тихими и послушными, мальчики же

наоборот. Мальчик с детства должен уметь постоять за себя, быть активным. Еще одна причина – Интернет. Мальчики часто проводят время в интернет-клубах, играя в игры, которые могут провоцировать грубость и насилие. Девочкам же, туда вход запрещен, и интереса к такому времяпровождению у них не наблюдается.

Одним из важнейших направлений профилактики рисков в виртуальной среде должно стать повышение цифровой компетентности всех субъектов образовательной среды: обучающихся, родителей, педагогов и администрации.

Список литературы

1. *Блайя, К.* Кибербуллинг и школа [Текст] / К. Блайя // Дети в информационном обществе. — 2012. — № 10. — С. 40–46.
2. *Глуханюк, Н.С., Белова, Д.Е.* Психодиагностика [Текст]: учебное пособие / Н.С. Глуханюк, Д.Е. Белова. — Москва: Академический проект, 2005. — 272 с.
3. *Кон, И.С.* Что такое буллинг и как с ним бороться? [Текст] / И.С. Кон // Семья и школа. — 2006. — № 11. — С. 15–18.
4. *Малкина-Пых, И.Г.* Виктимология: психология поведения жертвы [Текст] / И.Г. Малкина-Пых. — М.: Эксмо — 2010. — 864 с.
5. *Романова, Н.П.* Моббинг: [Текст]: учебное пособие / Н.П. Романова. — Чита: ЧитГУ, 2007. — 110 с.
6. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования [Текст] / Г.У. Солдатова [и др.]. — М.: Фонд Разв. Интернет, 2013. — 144 с.
7. *Щипанова, Д.Е.* Моббинг в образовательной среде [Текст] / Д.Е. Щипанова // Сборник научных трудов Sworld. — 2013. — Т. 23. — № 4. — С. 64–69.
8. *Olweus, D.* A useful evaluation design, and effects of the Olweus Bullying Prevention Program [Текст] / D. Olweus // Psychology, Crime & Law. — 2005. — № 11(4). — P. 389–402.